

Споры о гибели

Рецензия на книгу: Зубов А. Б. Россия. 1917. Катастрофа: Лекции о Русской революции. М. : РИПОЛ классик : Панглосс, 2019. 317, [3] с.

Наша либеральная пьеса из рук вон плохо
игралась и нами, министрами, и еще
хуже, Думой. Всей русской жизнью!
Бестолково, нестройно, зря, несуразно!
Но ведь там, в окружении императрицы,
непримиримая замкнутость, там жуткая
пустота смерти.

Александр Кривошеин, 1915 г.

Минувший после Октябрьского переворота проигранный русский век стал настолько истребительным и разрушительным для нашего народа — в первую очередь, с точки зрения понесенных демографических и духовных потерь, — что острая дискуссия вокруг коренного вопроса о причинах и смыслах всероссийской катастрофы продолжается до сих пор. За первые 35 лет большевистской власти, в пределах лишь полутора поколений (осень 1917 — весна 1953 г.), от войн, болезней, голода, террора, репрессий, принудительного труда, депортаций и другого насилия в нашей стране погибли более 50 млн человек, еще примерно 1,5 млн, включая цвет нации, оказались в изгнании в составе двух эмигрантских «волн» [Александров 2010, 439; Александров 2018б; Поремский, 2, 4–5, 11–12]. С точки зрения П. А. Сорокина, как при Петре I, так и после 1917 г. «безумное расходование нашего “биологического фонда” принимало поистине сумасшедший размах» [Сорокин, 427]. Еще в 1923 г. социолог допускал конец отечественной истории при повторении кровавых потерь периода революции и гражданской войны [Сорокин, 429], хотя он даже отдаленно не мог представить масштабов гибели населения СССР в 1930-х–1940-х гг.

На пороге столетия отечественного Исхода¹ мы видим, насколько равнодушны современники к невыученным историческим урокам и как вместе с тем необходимы обществу комплексные знания о травматичном прошлом для правильного определения российских приоритетов и перспектив на ближайшие десятилетия, чтобы не повторить самоубийственных ошибок и не поддаться старым искушениям. Большая тема национальной катастрофы отнюдь не исчерпана, а своеобразная психологическая усталость от ее векового описания мемуаристами и исследователями все же преодолима. В декабре 1948 г. Ф. А. Степун напутствовал своих взыскательных читателей:

Иногда от постоянного всматривания в тайну России, от постоянного занятия большевизмом, в душе поднимается непреодолимая тоска и возникает соблазн ухода в искусство, философию, науку, но соблазн быстро отступает. Уйти нам нельзя и некуда [Степун, 429].

Поэтому любые серьезные попытки исполнить интеллектуальное завещание мыслителя немедленно привлекают внимание, особенно если речь идет о творчестве такого известного ученого и общественного деятеля, как доктор исторических наук Андрей Борисович Зубов. Основой его новой книги послужил цикл популярных лекций по истории революции, прочитанных в Москве на кафедре истории «Новой газеты», и две статьи, опубликованные на ее страницах в 2017 г. Кроме того, в текст издания включены ответы на вопросы и реплики, поступавшие от слушателей после каждого выступления.

Семь лекций, адресованных широкому кругу читателей, хронологически и тематически охватывают пятнадцатилетний период от начала думской монархии и столыпинской модернизации в 1906 г. — с особым акцентом на его положительных тенденциях и неизбежных противоречиях — до признания ленинцами краха политики «военного коммунизма» в 1921 г. [Зубов 2019, 65–66, 316]. При этом из 320 страниц, насыщенных большим фактическим материалом, драматическим событиям Февральской революции посвящены 77 страниц, а Октябрьского переворота —

1. Вероятно, началом массового русского Исхода следует считать отступление чинов Северо-Западной армии генерал-лейтенанта П. В. Глазенапа (более 12–13 тыс.) и гражданских беженцев (более 12–15 тыс.) с территории Петроградской губернии

в Эстонскую Республику в конце ноября — начале декабря 1919 г. Кроме того, вместе с северо-западниками границу перешли и несколько тысяч пленных красноармейцев.

всего 7. Больше внимания автор уделит состоянию Российской империи накануне Великой войны, действиям русской армии, положению тыла и власти с лета 1914 г. и до зимы 1917 г. (88 страниц). Пространен рассказ о деятельности Временного правительства, подготовке выборов в Учредительное собрание и политическом кризисе, развивавшемся на фоне постепенного разложения армии весной — осенью 1917 г. (80 страниц). Таким образом, в первую очередь лекции посвящены не столько непосредственно Февралю и Октябрю — технологии захвата власти большевиками в России в октябре — ноябре 1917 г. автор практически не касался, — сколько их предпосылкам и предыстории.

Просветительская цель лекционного курса предопределила и стиль изложения сложного исторического материала. Текст понятен читателю независимо от его базового образования, читается живо и легко. К достоинствам книги относится также стремление автора объективно рассмотреть очевидные достижения и застарелые проблемы думской монархии в тот предвоенный семилетний период, когда, по слову Г. П. Федотова, «страна торопилась жить, чувствуя, как скупо сочтены ее оставшиеся годы» [Федотов, 170]. Обоснованно профессор Зубов отверг все три недалеких, но ныне весьма распространенных объяснения Февраля: 1) объективную неизбежность крушения старой России, якобы просто сгнившей под гнетом отжившего самодержавия; 2) конспирологическую деятельность вездесущих «злых сил» в лице масонов, евреев и большевиков, коварно овладевших «цветущей, благополучной страной»; 3) пагубное следствие неправильных политических решений тех или иных современников [Зубов 2019, 58–60].

Доказательный тезис автора о достижениях отечественной экономики в 1912–1914 гг. подкрепляется богатой статистикой и верными замечаниями о значении местного самоуправления и кооперативного движения для повышения народного благосостояния [Зубов 2019, 67–81], в связи с чем особо уместны приводимые в тексте пространные цитаты современников, в частности, высказывания философа и правоведа, горячего исповедника князя Е. Н. Трубецкого. «Старый “пугачевский” социализм отходит в прошлое, в России создается основа для буржуазной демократии, опирающейся на крестьян-собственников», — писал Трубецкой в 1913 г. [Зубов 2019, 79]. Здесь нет особого преувеличения: в предвоенные годы качество жизни сельского и городского населения действительно неуклонно менялось в лучшую сторону, особенно при сравнении с реалиями колхозно-лагерной деспотии И. В. Ста-

лина. По переписи 1912 г. 14,1 % крестьянских хозяйств имели трех и более лошадей, 22,1 % — двух, 32,1 % — одну, остальные (около трети) считались безлошадными [Климин, 270]. Доля сельских маргиналов при этом выглядела высокой, но центральной фигурой российской деревни оставался крепнущий середняк при одновременном формировании сельского буржуазного меньшинства. Очевидно, происходило поступательное накопление производительных сил и национального богатства, поэтому при всех оговорках специалисты давно отмечают «траекторию здорового экономического роста» царской России накануне Великой войны, фатально прервавшей прогрессивное развитие имперского хозяйства еще до того, как в перспективе была достигнута его кульминационная точка [Петров, 219].

В итоге рецензент согласен с концептуальным утверждением Андрея Борисовича о необходимости искать главные причины революционной катастрофы 1917 г. не в материальной бедности голодных трудящихся, по марксистско-ленинской схеме подвергавшихся жестокой капиталистической эксплуатации, а в *социальной отсталости* огромного народного большинства: в пагубном разрыве между архаичным массовым сознанием особенно многочисленных молодых групп населения и стремительными бытовыми изменениями окружавшей их жизни, в сохранявшихся сословно-классовых конфликтах, в том числе, травматичной крестьянской памяти о крепостном праве, а также в примитивной русской религиозности («полное сокрытие христианства от народа»). Накануне Великой войны, как пишет автор, «люди становятся собственниками», но «не понимают нравственного смысла своей собственности» — и тем более ее органичной связи с государством. Пресловутое народное невежество профессор Зубов рассматривает не в смысле *безграмотности*, а в смысле *личной невоспитанности* при отсутствии в массе населения «вышколенного культурного человека». России для благополучного существования не хватило «нескольких поколений культурной адаптации» [Зубов 2019, 81–90, 93], приученных ответственно ценить значение гражданской свободы, государственных и общественных институтов.

Здесь трудно не согласиться с А. Б. Зубовым, хотя необходимо заметить, что вплоть до революции процесс создания и укрепления частной крестьянской собственности так и не охватил большинства хлеборобов. По самым оптимистичным заявлениям, в той или иной степени с общиной расстались или заявили о готов-

ности расстаться лишь около половины домохозяев, а в историографии существуют и более низкие оценки [Климин, 272–276]. Поэтому к 1917 г. крестьянин преимущественно даже еще не стал собственником, не говоря уже о добросовестном налогоплательщике.

Убедителен тезис автора о неустойчивости — более того, незаконности — правительства князя Г. Е. Львова в результате *разрыва в праве*, произошедшего 2–3 марта 1917 г. [Зубов 2019, 150, 153–154, 159–162], когда Николай II де-факто лишил прав на престол законного наследника цесаревича Алексея Николаевича, а Великий князь Михаил Александрович, в чью пользу отрекся государь, смущенный не только разгулом страстей в Петрограде, но и сомнениями в юридических основаниях собственного воцарения, отказался от восприятия верховной власти до решения Учредительного собрания, не предусмотренного действующим Сводом основных государственных законов (далее — СОГЗ) 1906 г. Таким образом, октябрьское крушение Временного правительства Российской республики предвосхитила и во многом обусловила его мартовская нелегитимность. Подобная точка зрения до сих пор непопулярна; она высказана автором вновь и своевременно [ср. Зубов 2001, 41–42]. Вместе с тем правильный тезис требует уточняющего комментария.

Автор, как представляется рецензенту, напрасно допускает сомнение в несомненном праве Николая II отречься от престола [Зубов 2001, 40; Зубов 2019, 145], отсылая читателей к СОГЗ, где в главе второй («О порядке наследия Престола») отсутствовали статьи, регламентировавшие отречение коронованного императора. Юридически этот вопрос разрешился еще на рубеже веков. Задолго до мартовской коллизии 1917 г. известный правовед, профессор Санкт-Петербургского университета Н. М. Коркунов дал свой веский комментарий:

Может ли уже вступивший на Престол отречься от него? Так как Царствующий Государь, несомненно, имеет право на престол, а закон (статья 37-я СОГЗ. — К. А.) предоставляет всем, имеющим право на Престол, и право отречения, то надо ответить на это утвердительно [цит. по: Александров 2018а, 153–154].

Точка зрения Коркунова не вызвала официальных опровержений Царского Села, следовательно, любые сомнения в праве государя на отречение исключались. К сожалению, в книге не отмечено

ны два других роковых события, связанных с крушением царской власти 2–3 марта 1917 г.

Во-первых, Николай II не просто нарушил установленный порядок престолонаследия: с отречением за сына он освободил многомиллионную армию от присяги цесаревичу Алексею Николаевичу², чем невольно сразу же создал важнейшее условие для разложения солдатских умов и эскалации смуты не только в тылу, но и на фронте. Генерального штаба генерал-лейтенант Н. Н. Головин писал в эмиграции:

Формула «За Веру, Царя и Отечество» была для русских народных масс 1914 г. своего рода политическим обрядом. Только тогда, когда эта вера в данный обряд будет разбита, он теряет сразу свою силу и лопается как мыльный пузырь; душа малокультурного, но склонного к мистицизму народа, переживает тогда кризис и ищет новый «обряд», в который она сможет опять поверить [Головин. Т. 2, 124].

3 марта 1917 г. около ноля часов многомиллионная русская армия, состоявшая преимущественно из крестьян в серых шинелях, осталась и без общенационального символа в лице юного императора, и без присяги. Вместе с высокими обязательствами и духовным смыслом традиционной присяги солдатская масса неожиданно и резко лишилась привычного «политического обряда», в чем и заключался психологический смысл революции, разыгравшейся на фронте. Можно до бесконечности спорить о том, кто сыграл главную роль в победе Февраля в тылу — взбунтовавшиеся солдаты запасных батальонов и балтийские матросы, петроградские рабочие, безучастные православные епископы, депутаты оппозиционной Думы или социалистического Петросовета, — но в Действующую армию революцию невольно привнес несчастный государь, лишивший ее чинов твердой присяги при отречении за наследника престола.

Во-вторых, конституционно-монархический строй³ в России рухнул 2–3 марта в результате двух политических решений, про-

2. При вступлении в службу присяга приносилась не только государю, но и наследнику престола.

3. В 1906–1917 гг. обновленный государственный строй Российской империи носил форму ограниченной конституционной монархии, так как государь осуществлял законодательную власть в единении с Государственным Советом и Госу-

дарственной Думой. С непростительным политическим опозданием поздним вечером 1 марта 1917 г. в Пскове Николай II предоставил Думе право формировать Кабинет министров, дав тем самым «ответственное министерство», после чего государственный строй империи стал полностью конституционно-монархическим.

диктованных субъективными желаниями: покушения Николая II на законные наследные права сына и отказа Великого князя Михаила Александровича от восприятия власти до согласия Учредительного собрания. Следующий по старшинству Великий князь Кирилл Владимирович всецело присоединился «к тем мыслям, которые выражены в акте отказа Великого князя Михаила Александровича» [Отказ, 284], и обе позиции прочно закрыли вопрос о престолонаследии для других членов династии. Таким образом, конституционно-монархический строй в России 2–3 марта 1917 г., как это ни парадоксально звучит, ликвидировали не революционеры, не либералы и не монархисты, а сами Романовы, вследствие чего правительство князя Львова оказалось, по образному выражению П. Н. Милюкова, «утлой ладьей», потонувшей в океане народных волнений [Милюков, 468].

Нам представляется, что в размышлениях о революции в России обязательно должно было найтись место для портретно-психологической характеристики Николая II — с учетом несомненного влияния императрицы Александры Федоровны, а также Великого князя Михаила Александровича. Их действия, равно как и бездействие, имели огромное значение для хода событий и развития революции. Не меньший интерес представляют личности А. Ф. Керенского и В. И. Ленина. Однако их жизненному пути и человеческим качествам автор книги уделил от силы по странице, в то время как генералу от инфантерии Л. Г. Корнилову — четыре [Зубов 2019, 189–190, 213–217, 232–233]. Очень скупо Андрей Борисович повествует о воспитании, мирозерцании и мировоззрении, взглядах, приоритетах, мотивации Николая II, ставшего подлинным пленником петровского абсолютизма. Он присутствует на страницах книги как несчастливый царь, противоречивый политик, отчасти военачальник, но мы почти не видим человека, всецело отвечавшего зимой 1917 г. за судьбу империи с населением почти в 178 млн подданных. Еще более бесцветной предстает для читателя личность Великого князя Михаила Александровича: читатель больше узнает о его небезупречном браке [Зубов 2019, 150], чем о политических предпочтениях и качествах храброго начальника Кавказской туземной конной дивизии.

В свою очередь, например, Г. П. Федотов чутко оценил принципиально-роковую роль для страны Николая II и Ленина: «Первый спустил революцию, второй направил ее по своему пути» [Федотов, 172]. Что произошло с царской семьей после 3 марта 1917 г.? Ее судьба при Временном правительстве и поведение под аре-

стом заслуживали хотя бы символического описания в пределах нескольких абзацев.

Предложенное в книге описание предвоенного состояния Российской империи требует как минимум трех существенных дополнений. Во-первых, рассказывая слушателям о состоянии российского общества, хозяйства и власти, Андрей Борисович вовсе не коснулся важнейшей проблемы — государственной репрессивной политики. Здесь следует привести лишь несколько показательных цифр. На 1 января 1911 г. в местах лишения свободы Российской империи содержались 174733 заключенных, в том числе 1331 политических (на 157,5 млн населения без Финляндии) [Беляев, 92]. В СССР на 1 января 1939 г. — 3 млн, в том числе 1,6 млн политрепрессированных, включая раскулаченных в спецпоселках, входивших в систему ГУЛАГа (на 168,8 млн населения), а зимой 1953 г. — более 5,3 млн, в том числе более 3,2 млн политрепрессированных, включая контингент в спецпоселках (на 188,7 млн населения) [ГУЛАГ, 416, 418–419, 435, 447; Земсков, 150; История ГУЛАГА, 714]. Таким образом, одномоментное число заключенных и политрепрессированных в царской России накануне Великой войны выглядит ничтожным в абсолютных и относительных цифрах, а в сталинский период становится аномальным. Катастрофическая разница — вкуче с наглядными итогами революции — налицо.

Во-вторых, автор книги совершенно не коснулся культурного феномена Серебряного века, явная духовная двойственность которого свидетельствовала не только об огромном творческом потенциале империи, но и о страстной готовности иных образованных современников поддаться соблазну революционного искушения.

Наконец, в-третьих, за серьезными рассуждениями о духовно-религиозном кризисе русского человека и важности публикации сборника «Вехи» как-то в принципе потерялась Православная российская церковь. На страницах книги среди бесчисленных имен государственных деятелей, политиков, военачальников и революционеров мы почти не встречаем имен иерархов и священников и не видим церковной реакции на русские проблемы и потрясения.

При подготовке текста к печати Андрей Борисович существенно его отредактировал, в ряде случаев сделал ссылки на источники и литературу, чтобы обеспечить «вдумчивое чтение» [Зубов 2019, 8]. «Я заново прорабатывал тот огромный материал,

который... уже не в первый раз, а как минимум десятый в своей жизни я прохожу от А до Я» [Зубов 2019, 60], — так сообщил автор слушателям и читателям. Тогда тем более рецензент обязан обратить внимание на целый ряд существенных недостатков, которых можно будет избежать при подготовке нового издания полезного и востребованного курса.

В книге отсутствуют именной указатель, общий перечень использованных источников и литературы, хотя некоторые оригинальные цитаты [Зубов 2019, 110, 136] явно заимствованы из других публикаций. Лектор редко называет исследователей, чьи труды он использовал при подготовке к выступлениям (М. С. Френкина трудно назвать современным историком [Зубов 2019, 128], так как он скончался более тридцати лет назад). На 320 страниц приходится всего 38 ссылок, и в результате бедности справочного аппарата невозможно проверить обоснованность абсолютного большинства цифр, фактов и цитат. Некоторые из них вызывают серьезные сомнения в аутентичности.

Например, Андрей Борисович приводит закавыченные слова, якобы принадлежавшие императрице Александре Федоровне:

Алексеев хочет тебя арестовать в Ставке, поэтому он желает, чтобы я приехала к тебе, он предполагает нас всех арестовать в Ставке. Поэтому приезжай ко мне, мы вместе восстановим порядок [Зубов 2019, 135].

Однако ни письма, ни телеграммы государыни подобного содержания в переписке Августейшей четы за февральско-мартовские дни 1917 г. нет [Переписка. Т. 5, 211–232]. Ситуация выглядела противоположным образом: поздним вечером 27 февраля 1917 г. императрица через обер-гофмаршала Двора, генерала от кавалерии графа П. К. Бенкендорфа, разговаривавшего из Царского Села по телефону с дворцовым комендантом Свиты Его Величества генерал-майором В. Н. Воейковым, сообщила о своем намерении отправиться навстречу государю с детьми. Но царь не согласился, так как вскоре сам собирался выехать из Могилева к семье [Воейков, 224].

До сих пор не доказано участие в заговоре А. И. Гучкова против Николая II главнокомандующего армиями Северного фронта (главкосева) генерала от инфантерии Н. В. Рузского, о чем читателям неоднократно сообщается как о бесспорном факте [Зубов 2019, 50, 118, 130, 142]. Г. Е. Распутин протезировал Рузскому, к нему благоволила государыня [НИА Basily, 20(40)–21(41); Лемке, 191;

Оськин, 18–19, 27], и поэтому Гучков не доверял главкосеву. В «чистоту его характера и его жертвенный патриотизм» Гучков не верил, и осенью 1932 г., когда минуло 14 лет со дня мучительной гибели генерала, руководителю несостоявшегося заговора не имело смысла отрицать причастность Рузского к конспирации [НИА Вasily, 20(40)], если бы она имела место на самом деле. Документально не подтвержден яркий тезис о том, что в заговоре по свержению императора зимой 1917 г. состояли «многие иные генералы» [Зубов 2019, 50]. Но кто именно? Ни конкретных фамилий, ни аргументов, ни источников своих сведений автор не приводит. Почти невероятна версия А. Б. Зубова об уговорах Гучковым Великого князя Николая Николаевича (Младшего), служившего в отдаленном Тифлисе, принудить Николая II отречься от престола в пользу наследника и стать военным диктатором [Зубов 2019, 49]. Филеры вели строгое наблюдение за Гучковым, фиксируя каждый его шаг, кроме того, лидеру оппозиции запрещались поездки в войска [Белецкий, 492; Сенин, 75]. Тем более нет достоверных сведений о посещении им зимой 1916–1917 гг. Тифлиса.

Вызывают сомнение также некоторые цифры, не имеющие ссылок на источники и литературу. Так, например, по мнению Андрея Борисовича, к 1917 г. «из армии дезертировало около миллиона нижних чинов» [Зубов 2019, 27]. Далее он зачисляет в ту же группу людей, прятавшихся от призыва «на дальних зимовьях или в подклетах изб» [Зубов 2019, 27]. Но какие же это «нижние чины», если они *не прибыли* из мест проживания к территориальным пунктам сбора новобранцев, тем более не носили формы и не приносили присяги? В действительности за 29 месяцев боевых действий — с начала войны и до Февральской революции — общее число дезертиров на четырех фронтах (Северном, Западном, Юго-Западном, Румынском) составило 195130 воинских чинов. Всплеск произошел после Февраля, когда всего за пять месяцев к 1 августа 1917 г. число дезертиров превысило 170 тыс. человек [Френкин, 194]. Основную часть данной категории убыли в 1914–1916 гг. составили не *дезертиры*, а *уклонисты*. Если учесть, что в 1914–1916 гг. призыв, не считая чинов армии мирного времени, охватил 13,2 млн человек [Головин. Т. 1, 81], то долю уклонистов ориентировочно в 650–700 тыс. человек (максимум 5,3 %), учитывая все социальные проблемы империи, вряд ли следует считать экстраординарной.

Не обоснованы, с точки зрения рецензента, и приводимые сведения о численности личного состава органов ВЧК. В 1921 г. все

губЧК делились на три категории: по штатам I категории (226 человек) комплектовались 5 губЧК, по штатам II категории (134 человека) — 63, по штатам III категории (80 человек) — 21 [Плеханов, 183] — весь штат составлял 11252 человека. Возможно, что к этой цифре необходимо причислить сотрудников еще каких-то территориальных подразделений, но в лучшем случае речь может идти о нескольких тысячах чекистов. Тем не менее, очевидно, что в 1921 г. в советских органах госбезопасности — даже с учетом бойцов войск ВЧК — никак не могли служить более 230 тыс. человек [Зубов 2019, 314].

Ряд тезисов лекционного курса противоречат друг другу. Например, автор сообщает о том, как на май 1917 г. планировалась Босфорская операция, чтобы «вывести Османскую империю из войны и увенчать православным крестом храм Святой Софии», в связи с чем 26 февраля в Ставке Николай II обсуждал с директором дипломатической канцелярии камергером Н. А. Базили всеподданнейшую записку министра иностранных дел тайного советника Н. И. Покровского «об организации десанта» [Зубов 2019, 112, 128]. Однако, во-первых, царь вообще не принимал Базили в период 23–28 февраля [Дневники, 169, 177, 183, 190, 200, 217], о чем свидетельствуют записи в журнале пребывания государя императора в Действующей армии [РГИА. Фонд 516, 2об.–7об.]. Во-вторых, записку Покровского от 21 февраля Базили обсуждал между 23 и 26 февраля, но не с Николаем II, а с начальником Штаба Верховного Главнокомандующего (наштаверхом) генералом от инфантерии М. В. Алексеевым. Последний решительно отверг авантюрное предложение министра иностранных дел, предлагавшего направить в десант на Константинополь *двадцать дивизий*, т. е. десять армейских корпусов или две-три армии. Накануне апрельского наступления на Юго-Западном фронте Штаб Главковерха не только не мог снять такие немислимые силы с огромного сухопутного фронта протяженностью в 1,7 тыс. километров, но и не мог обеспечить их достаточное снабжение на Малоазиатском побережье по линии более чем в 200 морских миль. На Черном море и так не хватало транспортов, занятых доставкой грузов для Кавказской армии, и решение сложной задачи по поддержке десанта немедленно бы отразилось на положении войск генерала от инфантерии Н. Н. Юденича. Дарданелльская неудача союзников — при всех их богатых ресурсах и техническом оснащении — наглядно показала всю сложность подобной операции. С прагматичной точки зрения Алексеева, путь к про-

ливам открывался лишь после явного поражения Австро-Венгрии и Германии, когда обстановка позволила бы ослабить силы Действующей армии [*Письмо Базили, 19–20*]. Поэтому без согласия наштаверха никакая «десантная операция» на Босфор в мае 1917 г. планироваться не могла.

Едва ли не главный вывод всего курса звучит так:

Россия рухнула по объективной причине, потому что русский человек, специально оторванный от гражданственности крепостным правом и общей религиозной и светской неграмотностью, не смог быстро (в 1906–1913 гг. — К. А.) к гражданственности адаптироваться снова [*Зубов 2019, 94–95*].

Но далее автор легко согласился с точкой зрения М. М. Карповича:

Едва ли правомерно утверждать, что революция была абсолютно неизбежна. <...> Война сделала революцию вероятной, но лишь человеческая глупость сделала ее неизбежной [Цит. по: *Зубов 2019, 154–155*].

Так Россия рухнула под тяжестью революции по причине гражданской слабости народа или в результате глупости главных участников произошедших событий?

Ряд суждений, высказанных по ходу повествования, требует серьезных уточнений. По замечанию лектора, в 1915 г. по скромности — в отличие от руководителей Коммунистической партии — Николай II позволил себе принять лишь «Георгиевский крест 4-й, самой низшей, степени» [*Зубов 2019, 36*]. Все же по постановлению кавалерской Думы Юго-Западного фронта государь возложил на себя не Георгиевский крест, как до 1913 г. назывался *солдатский* Знак отличия Военного ордена [*Зайцов, 16–17*], а орден св. великомученика и победоносца Георгия IV ст. [*Лемке, 187*] — самую высокочтимую боевую награду среди господ офицеров. Ее более высокой степени царь и не мог иметь за отсутствием предшествующей.

Андрей Борисович прав, утверждая, что Г. Е. Распутин не поддерживал «связи с немецким штабом» [*Зубов 2019, 57*]. Тем не менее, в ближайшее окружение «старца» входили не только проходимцы и аферисты, но и лица, подозревавшиеся контрразведкой во враждебной деятельности и сотрудничестве с противником [*Batiushin, 26, 28–31, 60, 70–71; Глобачев, 84–85, 412; Резанов, 283–284; Соколов, 79, 82*]. Поэтому нельзя исключать непреднамеренной утечки информации особой важности через Распутина,

с которым Александра Федоровна наивно обсуждала оперативные вопросы, составлявшие строгую тайну генерал-квартирмейстерской части Ставки. Императрица ими живо интересовалась и получала необходимые сведения от Августейшего супруга [*Переписка. Т. 4, 26, 81, 132, 152, 267, 276, 285–286, 290–291, 293, 295, 310, 329, 333, 378; Переписка. Т. 5, 36, 51, 58–59, 61, 63–64, 75–76, 168*]. По убеждению государыни, Бог дал беззаветному патриоту Распутину «больше предвиденья, мудрости и проницательности, нежели всем военным вместе» [*Переписка. Т. 5, 12*], и его «советы» в области управления войсками Александра Федоровна искренне передавала царю. Но «старцу» еще требовались знания о положении на фронте, чтобы давать «мудрые советы».

Вызывает сомнение убеждение Андрея Борисовича в невинном отношении к Николаю II Гучкова, будто бы не имевшего «особых оснований обижаться на государя». «Он был не такой дурак, чтобы обижаться просто так», — полагает автор книги [*Зубов 2019, 60*]. Гучкова, конечно, трудно назвать дураком. Но все же *острый личный конфликт* между ним и царем, включая взаимные обиды, доподлинно известен и не составлял тайны для современников [*Савич, 81–83*]. В конце 1916 г. генерал Алексеев действительно убыл из Могилева на лечение в Крым, но не в декабре, и не по своей просьбе, и не на три месяца [*Зубов 2019, 124*], а 20 ноября, по Высочайшему повелению и лишь на полтора-два месяца [*Цветков, 254–255, 257*].

Весьма приблизительно рассказал автор слушателям о знаменитых телеграммах двух старших начальников, высказавшихся против отречения в мартовские дни 1917 г.: командира Гвардейского кавалерийского корпуса генерала от кавалерии Хана Гусейна Нахичеванского и командира III кавалерийского корпуса генерала от кавалерии графа Ф. А. Келлера. «Оба они написали, что они готовы предоставить свои войска на помощь Государю», — сообщил А. Б. Зубов и далее привел слова графа Келлера: «Вас принудили (к отречению. — К. А.), Государь. Мы придем и вам поможем покончить с заговорщиками и бунтовщиками», после чего, по утверждению лектора, «его тут же, прямо 2 марта, отстранили от командования» [*Зубов 2019, 146*]. Что же произошло на самом деле?

Штаб гвардейского кавалерийского корпуса, входившего в состав Особой армии Юго-Западного фронта, находился под Ровно Волынской губернии. Телеграмма № 2370 за подписью Хана Нахичеванского, подчеркивавшая «безграничную преданность гвар-

дейской кавалерии и готовность умереть за своего обожаемого монарха», ушла в Псков в штаб армий Северного фронта лишь *около трех часов пополудни 3 марта*, когда Николай II, чей поезд находился в районе Витебска, возвращался в Ставку. К тому времени уже не только он отрекся от престола за себя и наследника, но и Великий князь Михаил Александрович собирался отказываться от восприятия власти в России, и любые верноподданнические заявления безнадежно опоздали. В час ночи 4 марта, когда отрекшийся государь уже прибыл в Могилев, генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов («Черный»), исполнявший должность начальника штаба армий Северного фронта, по приказу Рузского переслал телеграмму № 2370 в Ставку, для доклада Его Величеству [*Телеграмма № 1274/Б*]. В ответ Николай II поблагодарил чинов гвардейской кавалерии за верность и попросил их признать новый строй [*Чапкевич, 170*]. Хан Нахичеванский вскоре заявил о полной лояльности правительству князя Львова и спокойно принес новую присягу [*Чапкевич, 170*], в связи с чем нельзя исключать, что на самом деле телеграмму № 2370 направил в Псков за подписью своего командира его начальник штаба генерал-майор барон А. Г. Винекен, застрелившийся по неясной причине 12 марта.

Телеграмма же графа Келлера вообще не имела практически политического смысла: командир III корпуса направил ее в Царское Село на Высочайшее имя не *2 марта*, как полагает Андрей Борисович, а *около двух часов пополудни 6 марта*, когда конституционно-монархический строй де-факто давно прекратил существование. При этом храбрый кавалерист искренне приветствовал решение Николая II «дать России ответственное министерство», чем снимался «тяжелый, непосильный для самого сильного человека труд», но красивые слова, романтически приписанные автором книги графу Келлеру, — о якобы имевшем место принуждении царя к отречению и готовности кавалеристов «покончить с заговорщиками и бунтовщиками» — в оригинальном тексте отсутствуют. Высказывалось лишь презрение к ним и выражалась горячая просьба к Николаю II не покидать престол и не отнимать законного наследника [*Келлер, 1093–1094*]. Соответственно, должность командира корпуса граф Келлер оставил не 2-го, а лишь 17 марта. Погиб он 21 декабря 1918 г. не «при случайных обстоятельствах» [*Зубов 2019, 147*], а был расстрелян петлюровцами после взятия ими Киева [*Волков, 226*].

Трудно безоговорочно согласиться с утверждением о том, что после захвата власти в Петрограде в ходе Октябрьского перево-

рота «большевики отдали крестьянам землю» [Зубов 2019, 301]. Скорее ленинцы лишь санкционировали самочинные аграрные захваты и «черный» земельный передел в российской деревне. Пресловутый советский декрет о земле в первую очередь отменял именно право собственности на землю, а уже 14 февраля 1919 г. постановлением Всероссийского Центрального исполнительного комитета (ВЦИК) вся земля в пределах РСФСР, «в чьем бы пользовании она ни состояла», объявлялась «единым государственным фондом» [Колодежный, 352–353, 370]. Уничтожение большевиками права собственности, с точки зрения рецензента, исключало отдачу земли, функционально в лучшем случае речь могла идти о ее предоставлении крестьянам во временное пользование.

Отметим еще несколько досадных фактических неточностей, снижающих качество текста. В апреле 1916 г. генерал от инфантерии А. Е. Эверт состоял главнокомандующим армиями не Северо-Западного фронта [Зубов 2019, 16], не существовавшего уже 8 месяцев, а Западного фронта. Встреча представителей стран Антанты в столице Российской империи зимой 1917 г. называлась не Санкт-Петербургским совещанием штабов союзных армий [Зубов 2019, 112], а Петроградской конференцией союзных держав [Покровский, 67]. Императрица Александра Федоровна в роковые февральские дни не болела «корью в тяжелой форме» [Зубов 2019, 127] — до 1 марта корь переносили лишь наследник, Великие княжны Ольга и Татьяна, а также фрейлина А. А. Вырубова [Дневники, 162–163, 169, 177, 235].

Вечером 25 февраля Николай II, пребывавший в Могилеве, не распускал Государственной Думы [Зубов 2019, 125]. Только сутки спустя, поздним вечером 26 февраля в Петрограде члены Кабинета, совещавшиеся на казенной квартире председателя Совета министров князя Н. Д. Голицына на Моховой улице, сочли целесообразным объявить недолгий *перерыв* в занятиях Государственного Совета и Думы с их возобновлением «не позднее апреля текущего года в зависимости от чрезвычайных обстоятельств» [Телеграмма Голицына, 8]. Голицын воспользовался двумя указами, формально датированными 25 февраля, которые перед отъездом в Ставку заранее оставил ему государь [Допрос Голицына, 264–265], — а нужное решение о перерыве или роспуске премьер сам мог принять по мере надобности в любой момент. Около двух часов ночи 27 февраля Голицын доложил императору о заключении Совета министров и предпринятых им действиях [Телеграмма Голицына, 7–8].

По версии Андрея Борисовича, утром 27 февраля, при формировании сводного отряда, создававшегося под командованием Л.-гв. полковника А. П. Кутепова для подавления беспорядков и солдатского бунта в центре Петрограда, из числа назначенных «половина офицеров отказалась, другая половина — разбежалась», в итоге 12 офицеров «ничего не могут сделать» [Зубов 2019, 132]. В действительности Кутепов сначала получил «очень подтянутую» запасную роту Л.-гв. Кексгольмского полка, две запасных роты Л.-гв. Преображенского полка и пулеметную полуроту (всего 400–450 чинов, 13 пулеметов) — при этом никто из господ офицеров никуда не разбежался, — а после двух часов пополудни в его распоряжение стали подходить и другие подкрепления, разные по численности и качеству, всего от 400 до 500 человек. От позднего утра и до сумерек отряд небезуспешно и энергично действовал в районе Литейного проспекта, пока массовое превосходство участников беспорядков не стало абсолютным, а сопротивление им невозможным [Кутепов, 404–412].

Вопреки мнению Андрея Борисовича, войска, направлявшиеся с фронта к Петрограду, не «должны были вступить в город утром 1 марта» [Зубов 2019, 134]. Ни царь, ни генерал от артиллерии Н. И. Иванов — новый главнокомандующий войсками Петроградского военного округа — не хотели столичной междоусобицы. Поэтому во время Высочайшей аудиенции, состоявшейся в царском поезде в Могилеве ночью 28 февраля, Николай II согласился с решением Иванова не вводить фронтовые части в Петроград, чтобы не провоцировать массового кровопролития. Предполагалось лишь сосредоточить прибывавшие войска в районе Царского Села и «выждать выяснения окончательного положения дел» [Допрос Иванова, 318; Иванов, 227], иными словами — результатов намеченных императором политических преобразований и компромисса с Думой.

Наиболее необоснованный и уязвимый для критики тезис связан с общей отрицательной оценкой автором книги боевых качеств и результатов боевых действий Императорской армии в 1914–1916 гг. В рамках своего лекционного курса Андрей Борисович неоднократно отмечал успехи российских войск в 1914–1916 гг. [Зубов 2019, 9, 13–14, 17–19], но все же категорически резюмировал: «Русская армия воевала плохо в целом». Автор рассуждал:

Вопрос не в эмоциях, вопрос в цифрах. Считается, что армия тем лучше, чем у нее соотношение потерь превалирует в сторону так называемых кровавых

потерь, то есть убитыми и ранеными. Чем больше убитых и раненых относительно сдавшихся в плен, тем в ней выше моральный дух, тем лучше она оснащена, тем лучше она воюет [Зубов 2019, 11].

И далее Андрей Борисович приводит соотношение потерь в русской армии: «На трех сдавшихся в плен один убитый и раненый» [Зубов 2019, 11]. Насколько подобные утверждения реалистичны и корректны?

Существуют разночтения в определении русских военных потерь в 1914–1918 гг., но порядок цифр вполне представим. Демографические потери (убитые, умершие от ран, пропавшие без вести навсегда) составили 1,65 млн чинов; боевые санитарные (раненые, контуженные, обожженные, отравленные газами)⁴ — 3,85 млн [Головин. Т. 1, 150], по другой версии: 2,2 млн — демографические и 2,8 млн боевые санитарные (без учета раненых, оставшихся в строю и отказавшихся от госпитализации) [Кривошеев, 100–101]. Оценки количества русских военнопленных близки: 2,38 млн — 2,41 млн [Кривошеев, 102; Головин. Т. 1, 148]. Расчеты Н. Н. Головина дают общую цифру кровавых потерь в 5,5 млн чинов, научного коллектива Г. Ф. Кривошеева — 5 млн: таким образом, в первом приближении на *одного* пленного приходится *более двух* убитых-раненых. Как Андрей Борисович получил невероятное соотношение один убитый-раненый на трех пленных — необъяснимо. Можно только предположить, что он не знаком с обоснованными оценками потерь. Это тем более досадно, что генерал Головин рассчитал долю кровавых потерь по отношению к общему числу людей мобилизованных в годы войны: для русской армии — 35,5 %, для французской — 47 % и для германской — 55 % [Головин. Т. 1, 151]. Если учесть, что русская армия прекратила борьбу в ноябре 1917 г., а немцы и французы ожесточенно сражались еще целый год, то порядок цифр вполне сопоставим.

Рецензент считает необходимым обратить внимание на некорректность общего подхода Андрея Борисовича к оценке качества русских войск. На Кавказском театре они всю войну дерутся с отважными турками похвально [Зубов 2019, 13–14, 19, 111]. Но на других театрах — «плохо в целом», хотя как будто с противником воюет одна и та же армия. В подтверждение своего тезиса

4. Заболевшие чины в данную категорию не включаются.

Зубов оценивает потери «за первые полтора года войны»: менее 400 тыс. убитых, раненых и 1,5 млн пленных [Зубов 2019, 11].

Во-первых, неподкрепленная источником оценка невероятна, так как только армии Юго-Западного фронта во время первой Галицийской битвы в августе — сентябре 1914 г. потеряли убитыми и ранеными более 180 тыс. чинов [Нелипович, 44]. По данным Головина, с августа 1914 г. и до ноября 1915 г. русские потери убитыми и ранеными составили более 2,6 млн, а пленными — более 1,7 млн человек [Головин. Т. 1, 156–157]. Во-вторых, а почему речь идет о необъяснимом периоде лишь в первые полтора года? Оценивать результаты целесообразно либо по календарным годовым кампаниям, либо по переломным событиям [Головин. Т. 1, 157], но нет причин соединять в одну кампанию разные боевые действия первых семнадцати месяцев войны. К сожалению, Андрей Борисович игнорирует тот факт, что из 2,41 млн пленным более миллиона (более 40 %) наша армия потеряла в самую тяжелую для нее кампанию 1915 г., когда испытывала острый недостаток боеприпасов и вооружения, а еще примерно 250 тыс. (10 %) попали в плен в 1917 г. при разложении войск после Февральской революции [Головин. Т. 1, 156]. Если же учесть, что определенную часть пленным противник захватил ранеными и их нужно учитывать в числе кровавых потерь, то соотношение пленным к убитым-раненым еще более возрастет в пользу последней категории. Таким образом, с учетом раненых чинов, оставшихся в строю, можно с высокой степенью вероятности предположить, что на одного здорового пленного приходится не менее трех убитых-раненых. Большой процент сдавшихся в плен А. Б. Зубов объяснял слабой христианской верой русских солдат: «Они не могли религиозно себя понудить к жертве» [Зубов 2019, 29]. Однако вместе с тем только из германского плена пытались бежать 260 тыс. русских военнопленных (почти 20 % от числа находившихся в германском плену) [Головин. Т. 1, 145, 147]. Поведение этой группы военнослужащих опровергает столь упрощенный подход к мотивации.

Великая война 1914–1918 гг. была *коалиционной*, и значение любого успеха или неуспеха необходимо оценивать, в первую очередь, с точки зрения их последствий не для национальной армии, а для коалиции в целом. Если более года русская армия вела маневренную войну на большом пространстве, включая трудное стратегическое отступление под давлением превосходящего противника, то вероятность захватов пленным и их потерь резко воз-

растала, в отличие от битв на Западе, где противники сражались на узком пространстве преимущественно в позиционной борьбе. Поэтому попытка автора книги акцентировать внимание на количестве русских пленных некорректна.

В кампанию 1914 г., в значительной степени благодаря активным операциям русских армий в Восточной Пруссии и Галиции, провалился германский план боевых действий. После серьезного поражения в первой Галицийской битве Австро-Венгрия уже не могла удерживать фронт на Востоке без немецкой помощи [*Гёрлиц, 167; Часовой*] и затяжная война на истощение стала для Центральных держав неизбежной. Поэтому в конце года прусский военный министр и начальник Генерального штаба, генерал-лейтенант Э. фон Фалькенгайн заявил рейхсканцлеру Т. фон Бетман-Гольвегу о том, что Кайзеррейх не сможет выиграть войну против Антанты. Спасти положение мог лишь сепаратный мир, в первую очередь с Россией [*Фёрстер и др., 159*]. Кампанию 1915 г. русская армия проиграла, расплатившись за свою техническую слабость огромными потерями, но сумела удержать Восточный фронт, что позволило Антанте избежать поражения и продолжать борьбу. В кампанию 1916 г. «неожиданно крупные успехи» русских, по оценке германского стратега генерала пехоты Э. Людендорфа, и масштабное наступление армий генерала от кавалерии А. А. Брусилова на протяжении четырех с половиной месяцев подтвердили, что Центральные державы по-прежнему стиснуты врагом с Запада и Востока, в то время как британский флот вел против Кайзерреха и Австро-Венгрии успешную «голодную войну», блокируя ввоз продовольствия из нейтральных государств [*Людендорф, 195–196, 198*].

Зимой 1916–1917 гг. противник стал задумываться о мирных переговорах, в то время как страны Антанты рассчитывали приобрести такого могущественного союзника, как США. Центральные державы, сдавленные в Европе в тисках двух фронтов, потеряли стратегическую инициативу и в качестве защитников осажденной крепости, где началась голодная смертность, перешли к глухой обороне. Судьба войны решалась во Франции и Западной Фландрии. Но подкрепленные тяжелой артиллерией и пополненные до внушительного превосходства 13 русских армий связывали почти половину живой силы неприятеля и, нависая над австро-германцами с Востока по линии длиной более чем в 1,7 тыс. километров, представляли смертельную опасность для их глубокого тыла и коммуникаций. В то же время у немцев, от чьей

помощи целиком зависела боеспособность Австро-Венгрии, не хватало резервов, чтобы парировать апрельские операции союзников. В Передней Азии войска Кавказской армии могли вывести из войны Турцию: из 54 турецких дивизий русские сковывали 29, из них 16 ранее уже подверглись разгрому генералом Юденичем и потребовали восстановления (в том числе 5 — дважды) [Масловский, 423]. С учетом перечисленных обстоятельств в кампанию 1917 г. решительное поражение германской коалиции выглядело неминуемым.

В значительной степени очевидный перелом в пользу Антанты к зиме 1917 г. стал и бесспорным результатом самоотверженных усилий России за 29 месяцев изнурительной войны. Утверждать при этом, что русская армия «воевала плохо в целом» — значит, грешить против истины; она воевала много лучше, чем могла при своей технической бедности, старых проблемах командного управления и умственной лени многих генералов. Однако за системные пороки имперской военной машины приходилось расплачиваться большой кровью, теряя на полях сражений лучших офицеров и солдат. Огромные и зачастую неоправданные потери в 1914–1916 гг. привели к истончению и без того слабого гражданского слоя, к ухудшению качества и ослаблению общественного организма, став одной из важнейших причин национальной катастрофы 1917 г., о чем в лекционном курсе не сказано ни слова.

Безусловно, историософское осмысление причин российской революции, предложенное А. Б. Зубовым, заслуживает серьезного внимания, а озвученные концептуальные тезисы будут востребованы и обсуждаемы в первую очередь в широкой гуманитарной аудитории. Однако в рамках представленного лекционного курса интерес ученого-религиоведа к социальной проблематике в целом оказался гораздо более глубоким, чем внимание к конкретным событиям Февраля и Октября. При втором издании книга только выиграет, если текст, не теряющий живой популярности, будет автором исправлен, переработан и дополнен с учетом высказанных замечаний, чтобы достойно продолжить исполнение мюнхенского завещания Ф. А. Степуна.

*К. М. Александров,
канд. ист. наук*

Источники

1. *Белецкий* = 3. [Показания С. П. Белецкого] // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / Ред. П. Е. Щёголева. Т. IV. Л. : Госиздат, 1925. С. 491–507.
2. *Войков* = Воейков В. Н. С царем и без царя : Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М. : Военное издательство, 1995. 431 с., ил.
3. *Глобачев* = Глобачев К. И. Правда о русской революции : Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М. : РОССПЭН, 2009. 519 с., [16] л. ил., портр. (Из собрания Бахметевского архива).
4. *ГУЛАГ* = ГУЛАГ (Главное управление лагерей) 1918–1956. Документы / Под общ. ред. А. Н. Яковлева; сост. А. И. Кокурин и Н. В. Петров; науч. ред. В. Н. Шостаковский. М. : Материк, 2002. 888 с.
5. *Дневники* = Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны / Отв. ред., сост. В. М. Хрусталёв. Т. I : 1 января — 31 июля 1917. М. : Вагриус, 2008. 624 с., ил.
6. *Допрос Голицына* = Допрос кн. Н. Д. Голицына. 21 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / Ред. П. Е. Щёголева. Т. II. Л.; М. : Госиздат, 1925. С. 249–272.
7. *Допрос Иванова* = Допрос ген. Н. И. Иванова. 28 июня 1917 года // Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства / Ред. П. Е. Щёголева. Т. V. М.; Л. : Госиздат, 1926. С. 313–335.
8. *Иванов* = Экспедиция ген. Иванова на Петроград // Красный Архив. 1926. Т. 4(17). С. 225–232.
9. *История ГУЛАГА* = История сталинского ГУЛАГА : Собрание документов в 7 т. Т. 5 : Спецпереселенцы в СССР / Отв. ред. и сост. Т. В. Царевская-Дякина. М. : РОССПЭН, 2004. 824 с.
10. *Кутепов* = Кутепов А. П. Первые дни революции в Петрограде // Генерал Кутепов / Сост. и ред. Р. Г. Гагкуев, В. Ж. Цветков. М. : Посев, 2009. С. 401–420.
11. *Лемке* = Лемке М. К. 250 дней в царской ставке : (25 сент. 1915 — 2 июля 1916). СПб. : Госиздат, 1920. 859 с.
12. *Людendorф* = Людendorф Э. Мои воспоминания о войне 1914–1918 гг. М. : Вече, 2014. 704 с., ил.

13. *Масловский* = Масловский Е. В. Мировая война на Кавказском фронте 1914–1917 г. : Стратегический очерк. Париж : «Возрождение» — «La Renaissance», 1933. 504 с., 13 схем, табл.
14. *Миллюков* = Миллюков П. Н. Воспоминания. М. : Политиздат, 1991. 528 с.
15. *Отказ* = Отказ Великого князя Кирилла Владимировича // Николай II : Венец земной и небесный. Царственные мученики : Пророчества, чудеса; даты, события, документы; молитвы, акафист и канон / Сост. В. А. Губанов. М. : Лествица, 1998. С. 284.
16. *Переписка. Т. 4* = Переписка Николая и Александры Романовых 1916–1917 гг. Т. 4 : 1916 год. М.; Л. : Госиздат, 1926. 438 с.
17. *Переписка. Т. 5* = Переписка Николая и Александры Романовых 1916–1917 гг. Т. 5. М.; Л. : Госиздат, 1927. 303 с.
18. *Письмо Базили* = Письмо от 11 марта (26 февраля) 1917 Н. А. Базили — Н. Н. Покровскому // Красный Архив. 1928. Т. 5(30). С. 18–22.
19. *Покровский* = Доклад министра иностранных дел [Н. Н.] Покровского Николаю II // Монархия перед крушением 1914–1917 : Бумаги Николая II и другие документы : Статьи В. П. Семенникова. М.; Л. : Госиздат, 1927. С. 67–77.
20. *РГИА. Фонд 516* = Пребывание Государя Императора в Действующей армии. Февраль [—] Март 1917 г. Российский государственный исторический архив. Ф. 516. Оп. 1 доп. Д. 25. Рукопись. 13 л.
21. *Резанов* = Документ № 75. 1921 года апреля 15 дня протокол допроса А. С. Резанова // Российский Архив : История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Вып. 8 : Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг. / Сост. Л. А. Лыкова. М. : ТриТэ : Российский архив : РЦХИДНИ, 1998. С. 282–287.
22. *Савич* = Савич Н. В. Воспоминания. СПб. : Logos; Дюссельдорф : Голубой всадник, 1993. 496 с.
23. *Степун* = Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. Т. 2. Нью-Йорк : Изд. им. Чехова, 1956. 429 с.
24. *Телеграмма Голицына* = Телеграмма председателя Совета Министров кн. Голицына царю 27 февраля 1917 г. // Красный Архив. 1927. Т. 2(21). С. 7–8.
25. *Телеграмма № 1274/Б* = Телеграмма ген. Данилова ген. Алексееву 4 марта 1917 г. № 1274/Б // Красный Архив. 1927. Т. 3(22). С. 47–48.
26. *Часовой* = Распределение сил Австро-Венгерских армий на различных театрах великой войны // Часовой (Париж). 1930. 15 марта. № 27. С. 7.
27. *Batiushin* = Батюшин Н. С. В чем была сила Распутина. Batiushin Nicolas S. Manuscript. Hoover Institution Archives, Stanford University. Земун, [Королевство СХС], 1924. 74 с. Машинопись.

28. *NIA Basily* = Folder «Conversation accounts Guchkov, A. I. 1932–1936». Вох 22. [Беседа с А. И. Гучковым]. Среда, 9 ноября 1932 г. (5 часов вечера). Basily de Nicolas A. Collection. Hoover Institution Archives, Stanford University. Машинопись.

Литература

1. *Александров 2010* = Александров К. М. Вторая волна российской эмиграции : Проблемы изучения и актуальные вопросы для дискуссии // Нансеновские чтения 2009 : Вторая мировая война и русская эмиграция / Науч. ред. М. Н. Толстой. СПб. : Русская эмиграция, 2010. С. 434–445.
2. *Александров 2018a* = Александров К. М. Русский генералитет и крушение монархической власти в России: 2 марта 1917 года // Звезда. 2018. № 2. С. 153–178.
3. *Александров 2018б* = Александров К. М. Хроника уничтожения. Сколько жизней стоил России большевизм и почему споры о Сталине — это дискуссия о будущем? // Альманах современной христианской культуры «Даръ». 2018. Вып. 4. С. 154–169.
4. *Беляев* = Беляев В. Н. Россия в начале XX века. Ч. 4. Преступность и пенитенциарная система // Посев. 1983. Вып. 2. С. 91–94.
5. *Волков* = Волков С. В. Офицеры российской гвардии : Опыт мартиролога. М. : Русский путь, 2002. 568 с.
6. *Гёрлиц* = Гёрлиц В. Германский Генеральный штаб. История и структура 1657–1945. М. : Центрполиграф, 2005. 478 с., ил.
7. *Головин. Т. 1* = Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. Т. 1. Париж : Товарищество объединенных издателей, 1939. 211 с., 10 схем.
8. *Головин. Т. 2* = Головин Н. Н. Военные усилия России в Мировой войне. Т. 2. Париж : Товарищество объединенных издателей, 1939. 242 с., 4 схемы.
9. *Зайцов* = Зайцов А. А. Орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия : Исторический очерк. Нью-Йорк : Russian Printing-House, 1955. 19 с.
10. *Земсков* = Земсков В. Н. Спецпоселенцы (1930–1959 гг.) // Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции : Сб. науч. трудов. М. : Институт российской истории РАН, 1994. С. 35–74.
11. *Зубов 2001* = Зубов А. Б. Обращение к русскому национальному правопорядку как нравственная необходимость и политическая цель // Преемственность и возрождение России : Сб. статей. М. : Посев, 2001. С. 35–74 (Библиотечка россиеведения; вып. 6).

12. *Зубов 2019* = Зубов А. Б. Россия. 1917. Катастрофа : Лекции о русской революции. М. : РИПОЛ классик : Панглосс, 2019. 320 с.
13. *Келлер* = Граф Келлер. М. : Посев, 2007. 1142 с., ил.
14. *Климин* = Климин И. И. Столыпинская аграрная реформа и становление крестьян-собственников в России. СПб. : СПбГУ, 2002. 335 с.
15. *Колодежный* = Колодежный В. Н. Эволюция земельной политики советской власти // Собственность на землю в России: история и современность. М. : РОССПЭН, 2002. С. 348–399.
16. *Кривошеев* = Россия и СССР в войнах XX века : Потери Вооруженных Сил : Статистическое исследование / Под общ. ред. Г. Ф. Кривошеева. М. : Олма-Пресс, 2001. 824 с.
17. *Нелипович* = Нелипович С. Г. Русский фронт Первой мировой войны: потери сторон. 1914. М. : Квадрига, 2017. 282 с.
18. *Оськин* = Оськин М. В. Главкомандующие фронтами и заговор 1917 г. М. : Вече, 2016. 464 с., ил.
19. *Петров* = Петров Ю. А. Российская экономика в начале XX в. // Россия в начале XX века / Под ред. акад. А. Н. Яковлева. М. : Новый хронограф, 2002. С. 168–223.
20. *Плеханов* = Плеханов А. М. ВЧК–ОГПУ в годы новой экономической политики 1921–1928. М. : Кучково поле, 2006. 704 с.
21. *Поремский* = Поремский В. Д. Политическая миссия российской эмиграции. Франкфурт-на-Майне : Посев, 1954. 32 с.
22. *Сенин* = Сенин А. С. Александр Иванович Гучков // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 69–88.
23. *Соколов* = Соколов Н. А. Убийство Царской Семьи. Буэнос-Айрес : РИС-О, 1969. 300 с.
24. *Сорокин* = Сорокин П. А. Социология революции / Подг. текста, сост. и комм. В. В. Сапова. М. : Территория будущего : РОССПЭН, 2005. 704 с.
25. *Федотов* = Федотов Г. П. Революция идет // Он же. Судьба и грехи России : Избранные статьи по философии русской истории и культуры / Сост., вступ. ст., примеч. В. Ф. Бойкова : В 2 т. Т. 1. СПб. : София, 1991. С. 127–172.
26. *Фёрстер и др.* = Фёрстер Г., Гельмерт Г., Отто Г., Шниттер Г. Пруско-германский Генеральный штаб 1640–1965 : К его политической роли в истории. М. : Мысль, 1966. 574 с., ил.
27. *Френкин* = Френкин М. С. Русская армия и революция 1917–1918. Мюнхен : Logos GmbH, 1978. 749 с.
28. *Цветков* = Цветков В. Ж. Генерал Алексеев. М. : Вече, 2014. 544 с., ил.
29. *Чапкевич* = Чапкевич Е. И. Русская гвардия в Первой мировой войне. Орел : ОГУ, 2003. 192 с.

References

SOURCES

1. Batiushin N. S. (1924). “V chem byla sila Rasputina” [“What was the power of Rasputin”]. *Batiushin Nicolas S. Manuscript. Hoover Institution Archives, Stanford University*. Zemun [Korolevstvo SKhS], Manuscript.
2. Beseda s A. I. Guchkovym. Sreda, 9 noiabria 1932 g. (5 chasov vechera) [Conversation accounts Guchkov. Wednesday, 9 november 1932 (5 p.m.)]. *Basily de Nicolas A. Collection, Hoover Institution Archives, Stanford University*, fol. “Conversation accounts Guchkov, A. I. 1932–1936”, box 22, typescript (in Russian).
3. “Doklad ministra inostrannykh del [N. N.] Pokrovskogo Nikolaiu II” [“Report of the Minister of Foreign Affairs Pokrovsky to Nikolai II”], in *Monarkhiia pered krusheniem 1914–1917 : Bumagi Nikolaia II i drugie dokumenty* [“Monarchy before the crash 1914–1917 : Nicholas II papers and other documents”] : Stat’i V. P. Semennikova. Moscow; Leningrad : Gosizdat, 1927, pp. 67–77 (in Russian).
4. “Ekspeditsiia gen. Ivanova na Petrograd” [“Expedition of general Ivanov to Petrograd”]. *Krasnyi Arkhiv*, 1926, v. 4 (17), pp. 225–232 (in Russian).
5. Globachev K. I. (2009). *Pravda o russkoi revoliutsii: vospominaniia byvshego nachal’nika Petrogradskogo okhrannogo otdeleniia* [The truth about the Russian revolution: Memories former head of the Petrograd security department]. Moscow : ROSSPEN (Iz sobraniia Bakhmetevskogo arkhiva) (In Russian).
6. Gubanov V. A. (ed.) (1998). “Otkaz Velikogo kniazia Kirilla Vladimirovicha” [“The failure of Grand Duke Kirill Vladimirovich”], in *Nikolai II : Venets zemnoi i nebesnyi. Tsarstvennye mucheniki : Prorochestva, chudesa; daty, sobytiia, dokumenty; molitvy, akafist i kanon* [The crown of earth and heaven. Royal Martyrs: prophecies, miracles; dates, events, documents; prayers, akathist and canon]. Moscow : Lestvitsa (in Russian).
7. Iakovlev A. N. (ed.) (2002). *GULAG (Glavnoe upravlenie lagerei) 1918–1956. Dokumenty* [GULAG (Main Directorate of Camps and Places of Incarceration)]. Moscow : Materik (in Russian).
8. Khrustalev V. M. (ed.) (2008). *Dnevniky Nikolaia II i imperatritsy Aleksandry Fedorovny* [Diaries of Nicholas II and Empress Alexandra Fedorovna], v. I : 1 ianvaria — 31 iuliia 1917. Moscow : Vagrius (in Russian).
9. Kutepov A. P. (2009). “Pervye dni revoliutsii v Petrograde General Kutepov” [“The first days of the revolution in petrograd”], in R. G. Gagkuev, V. Zh. Tsvetkov (eds.). *General Kutepov*, Moscow : Posev, pp. 401–420 (in Russian).

10. Lemke M. K. (1920). *250 dnei v tsarskoi stavke (25 sent. 1915 — 2 iuliia 1916)* [250 days at the royal rate (sent. 25, 1915 — July 2, 1916)]. Sankt-Peterburg : Gosizdat (In Russian).
11. Liudendorf E. (2014). *Moi vospominaniia o voine 1914–1918 gg.* [My memories of the war 1914–1918]. Moscow : Veche (in Russian).
12. Lykova L. A. (ed.) (1998). “Dokument № 75. 1921 goda apreliia 15 dnia protokol doprosa A. S. Rezanova” [“Document № 75. 1921 april, 15 interrogation record of A. S. Rezanova”], in *Rossiiskii Arkhiv : Istoriia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* [Russian archive : History of the Fatherland in records and documents XVIII–XX centuries. Is. 8: N. A. Sokolov. Preliminary investigation 1919–1922”], Moscow : Studiia Tri Te Nikity Mikhalkova : Rossiiskii Arkhiv : RTsKhIDNI, pp. 282–287 (in Russian).
13. Maslovskii E. V. (1933). *Mirovaia voina na Kavkazskom fronte 1914–1917 g. Strategicheskii ocherk* [World War on the Caucasian Front 1914–1917. Strategic essay]. Paris : Vozrozhdenie — La Renaissance (in Russian).
14. Miliukov P. N. (1991). *Vospominaniia* [Memorie]. Moscow : Politizdat (In Russian).
15. *Perepiska Nikolaia i Aleksandry Romanovykh 1916–1917 gg.* [Correspondence of Nicholas and Alexandra Romanov 1916–1917], v. 5. Moscow; Leningrad : Gosizdat, 1927 (in Russian).
16. *Perepiska Nikolaia i Aleksandry Romanovykh 1916–1917 gg.* [Correspondence of Nicholas and Alexandra Romanov 1916–1917], v. 4 : 1916 god. Moscow; Leningrad : Gosizdat, 1926 (in Russian).
17. “Pis'mo ot 11 marta (26 fevralia) 1917 N. A. Bazili — N. N. Pokrovskomu” [“Letter from 11 march (26 february) 1917 N. A. Bazili — N. N. Pokrovskomu”]. *Krasnyi Arkhiv*, 1928, v. 5(30), pp. 18–22 (in Russian).
18. *Prebyvanie Gosudaria Imperatora v deistvuiushchei armii. Fevral' [—] Mart 1917 g.* [The Sovereign Emperor in the army. February–march 1917], *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv*, coll. 516, aids. 1 suppl., fol. 25, Manuscript, 13 p. (in Russian).
19. “Raspredelenie sil Avstro-Vengerskikh armii na razlichnykh teatrakh velikoi voiny” [“The distribution of forces of the Austro-Hungarian armies in various theaters of the great war”]. *Chasovoi*, Paris, 15 marta, № 27, p. 7 (in Russian).
20. Savich N. V. (1993). *Vospominaniia* [Memories]. St. Petersburg : Logos; Dusseldorf : Goluboi vsadnik (in Russian).
21. Shchegolev P. E. (ed.) (1925). “3. [Pokazaniia S. P. Beletskogo]” [“S. P. Beletsky's testimony”], in *Padenie tsarskogo rezhima. Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanii, dannykh v 1917 g. v Chrezvychainoi sledstvennoi komissii Vremennogo Pravitel'stva* [The fall of the tsarist regime. Verbatim reports of interrogations and testimonies given in 1917 at the emergency

- investigative commission of the Provisional Government], v. 4, Leningrad : Gosizdat, pp. 491–507 (in Russian).
22. Shchegolev P. E. (ed.) (1925). “Dopros kn. N. D. Golitsyna 21 apreliia 1917 g.” [“Interrogation of prince Golitsyn. April 21, 1917”], in *Padenie tsarskogo rezhima. Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanii, dannykh v 1917 g. v Chrezvychainoi Sledstvennoi Komissii Vremennogo Pravitel'stva* [The fall of the tsarist regime. Verbatim reports of interrogations and testimonies given in 1917 at the emergency investigative commission of the Provisional Government], v. 2. Leningrad : Gosizdat, pp. 249–272 (in Russian).
 23. Shchegolev P. E. (ed.) (1926). “Dopros gen. N. I. Ivanova. 28 iyunia 1917 goda” [“Interrogation of General N. I. Ivanov. June 28, 1917”], in *Padenie tsarskogo rezhima. Stenograficheskie otchety doprosov i pokazanii, dannykh v 1917 g. v Chrezvychainoi Sledstvennoi Komissii Vremennogo Pravitel'stva* [The fall of the tsarist regime. Verbatim reports of interrogations and testimonies given in 1917 at the emergency investigative commission of the Provisional Government], v. 5, Moscow; Leningrad : Gosizdat, pp. 313–335 (in Russian).
 24. Stepun F. A. (1956). *Byvshee i nesbyvsheesia* [Former and unfulfilled], v. 2. New York : Chekhov publishing house (in Russian).
 25. “Telegramma gen. Danilova gen. Alekseevu 4 marta 1917 g. № 1274/B” [“Telegram of General Danilov to General Alekseev March 4, 1917, No. 1274/B”]. *Krasnyi Arkhiv*, v. 3(22), pp. 47–48 (in Russian).
 26. “Telegramma predsedatelia Soveta Ministrov kn. Golitsyna tsariu 27 fevralia 1917 g.” [“Telegram from the Chairman of the Council of Ministers, Prince Golitsyn, to the Tsar February 27, 1917”]. *Krasnyi Arkhiv*, 1927, v. 2(21), pp. 7–8 (in Russian).
 27. Tsarevskaia-Diakina T. V. (ed.) (2004). *Istoriia stalinskogo GULAGA* [The history of the Stalinist gulag], v. 5 : Spetspereselentsy v SSSR. Moscow : ROSSPEN (in Russian).
 28. Voeikov V. N. (1995). *S tsarem i bez tsaria : Vospominaniia poslednego dvortsovogo komendanta gosudaria imperatora Nikolaia II* [With a king and without a king : Memories of the last palace commandant of the Emperor Nicholas II]. Moscow : Military publ. (in Russian).

LITERATURE

- i. Aleksandrov K. M. (2010). “Vtoraia volna rossiiskoi emigratsii : Problemy izucheniia i aktual'nye voprosy dlia diskussii” [“The second wave of Russian emigration: problems of study and current issues for discussion”], in M. N. Tolstoi (ed.). *Nansenovskie chteniia 2009 : Vtoraia mirovaia voina*

- i russkaia emigratsiia*. Saint Petersburg : Russkaia emigratsiia, pp. 434–445 (in Russian).
2. Aleksandrov K. M. (2018). “Khronika unichtozheniia. Skol’ko zhiznei stoil Rossii bol’shevizm i pochemu spory o Staline — eto diskussiia o budushchem?”. *Al’manakh sovremennoi khristianskoi kultury “Dar”*, 2018, issue 4, pp. 154–169 (in Russian).
 3. Aleksandrov K. M. (2018) “Russkii generalitet i krushenie monarkhicheskoi vlasti v Rossii: 2 marta 1917 goda” [“Russian generals and the collapse of monarchical power in Russia: March 2, 1917”]. *Zvezda*, 2018, № 2, pp. 153–178 (In Russian).
 4. Beliaev V. N. (1983). “Rossiia v nachale XX veka. Ch. 4 : Prestupnost’ i penitentsiarnaia Sistema” [“Russia at the beginning of the twentieth century. Part 4 : Crime and the penitentiary system”]. *Posev*, 1983, issue 2, pp. 91–94 (in Russian).
 5. Chapkevich E. I. (2003). *Russkaia gvardiia v Pervoi mirovoi voine* [Russian Guard in the First World War]. Orel : OGU (in Russian).
 6. Fedotov G. P. (1991). “Revoliutsiia idet” [“Revolution is coming”], in Idem. *Sud’ba i grekhi Rossii : Izbrannye stat’i po filosofii russkoi istorii i kul’tury* [Fate and Sins of Russia : Selected Articles on the Philosophy of Russian History and Culture] : In 2 v., v. 1, Saint Peterburg : Sofiia, pp. 127–172 (in Russian).
 7. Ferster G., Gelmert G., Otto G. (1966). *Prussko-germanskii General’nyi shtab 1640–1965 : K ego politicheskoi roli v istorii* [Prussian-German General Staff 1640–1965 : To his political role in history]. Moscow : Mysl’ (Russian translation).
 8. Frenkin M. S. (1978). *Russkaia armiia i revoliutsiia 1917–1918* [Russian army and revolution 1917–1918]. Munich : Logos GmbH (in Russian).
 9. Gerlits V. (2005). *Germanskii General’nyi shtab : Istoriia i struktura 1657–1945* [German General Staff. History and structure 1657–1945]. Moscow : Tsentrpoligraf (in Russian).
 10. Golovin N. N. (1939). *Voennye usiliia Rossii v Mirovoi voine* [The military efforts of Russia in the World War], v. I. Paris : Tovarishchestvo ob’edinennykh izdatelei (in Russian).
 11. Golovin N. N. (1939). *Voennye usiliia Rossii v Mirovoi voine* [The military efforts of Russia in the World War], v. II. Paris : Tovarishchestvo ob’edinennykh izdatelei (in Russian).
 12. Keller F. A. (2007). *Graf Keller* [Count Keller]. Moscow : Posev (In Russian).
 13. Klimin I. I. (2002). *Stolypinskaia agrarnaia reforma i stanovlenie krest’ian-sobstvennikov v Rossii* [Stolypin agrarian reform and the formation of peasant proprietors in Russia]. Saint Petersburg : SPbGU (in Russian).
 14. Kolodezhnyi V. N. (2002). “Evoliutsiia zemel’noi politiki sovetskoi vlasti” [“The evolution of land policy of the Soviet government”], in *Sobstvennost’ na*

- zemliu v Rossii: istoriia i sovremennost'* [Land ownership in Russia: history and modernity], Moscow : ROSSPEN, pp. 348–399 (in Russian).
15. Krivosheev G. F. (ed.) (2001). *Rossiia i SSSR v voynakh KhKh veka : Poteri Vooruzhennykh Sil : Statisticheskoe issledovanie* [Russia and the USSR in the soldiers of the XX century : Loss of armed forces : Statistical study]. Moscow : Olma-Press (in Russian).
 16. Nelipovich S. G. (2017). *Russkii front Pervoi mirovoi voiny: poteri storon. 1914* [The Russian Front of the First World War: Losses of the Parties]. Moscow : Kvadriga (in Russian).
 17. Os'kin M. V. (2016). *Glavnokomanduiushchie frontami i zagovor 1917 g.* [Commanders of the fronts and the conspiracy of 1917]. Moscow : Veche (in Russian).
 18. Petrov Iu. A. (2002). "Rossiiskaia ekonomika v nachale XX v." ["The Russian economy in the early XX century"], in A. N. Iakovlev (ed.) *Rossiia v nachale XX veka*, Moscow : Novyi khronograf, pp. 168–223 (in Russian).
 19. Plekhanov A. M. (2006). *VChK–OGPU v gody novoi ekonomicheskoi politiki 1921–1928* [Cheka–OGPU in the years of the new economic policy 1921–1928]. Moscow : Kuchkovo pole (in Russian).
 20. Poremskii V. D. (1954). *Politicheskaiia missiia rossiiskoi emigratsii* [The political mission of the Russian emigration]. Frankfurt am Main : Posev (in Russian).
 21. Senin A. S. (1993). "Aleksandr Ivanovich Guchkov". *Voprosy istorii*, 1993, № 7, pp. 69–88 (In Russian).
 22. Sokolov N. A. (1969). *Ubiistvo Tsarskoi Sem'i* [The assassination of the royal family]. Buenos Aires : RIS-O (in Russian).
 23. Sorokin P. A. (2005). *Sotsiologiia revoliutsii* [Sociology of revolution]. Moscow : Territoriia budushchego : ROSSPEN (in Russian).
 24. Tsvetkov V. Zh. (2014). *General Alekseev*. Moscow : Veche (in Russian).
 25. Volkov S. V. (2002). *Ofitsery rossiiskoi gvardii : Opyt martirologa* [Russian Guard Officers : Martyrology Experience]. Moscow : Russkii put' (in Russian).
 26. Zaitsov A. A. (1955). *Orden Sviatogo Velikomuchenika i Pobedonostsa Georgiia : Istoricheskii ocherk* [Order of the Holy Great Martyr and Victorious George : Historical essay]. New York : Russian Printing-House (in Russian).
 27. Zemskov V. N. (1994). "Spetsposelentsy (1930–1959 gg.)" ["Special settlers (1930–1959)"], in *Naselenie Rossii v 1920–1950-e gody: chislennost', poteri, migratsii* [The population of Russia in the 1920-1950s: the number, loss, migration] : Collection of scientific papers, Moscow, pp. 35–74 (in Russian).
 28. Zubov A. B. (2001). "Obrashchenie k russkomu natsional'nomu pravoporiadku kak npravstvennaia neobkhodimost' i politicheskaiia tsel'" ["Appeal to the Russian national law and order as a moral necessity and

- political goal”], in *Preemstvennost' i vrozozhdenie Rossii : Sbornik statei* [Continuity and the revival of Russia : Collection of articles], Moscow : Posev, pp. 35–74 (Seriiia “Bibliotechka rossievedeniia”; issue 6) (in Russian).
29. Zubov A. B. (2019). *Rossiiia. 1917. Katastrofa : Lektsii o russkoi revoliutsii* [Russia. 1917. The catastrophe : Lectures on the Russian revolution]. Moscow : RIPOL klassik : Pangloss (In Russian).